

ЧАРЛЬЗ ЛЭНДРИ, «КРЕАТИВНЫЙ ГОРОД» И «ГОРОДА РАЗВИТИЯ»

Интервью председателя Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития, главы Движения развития Юрия Крупнова члену редакционного совета альманаха «Русский мир и Латвия» Сергею Мазуру. Опубликовано в альманахе «Русский мир и Латвия» № 35, 2014 год.

Сергей Мазур:

– Британский урбанист Чарльз Лэндри в книге «Креативный город» оптимистично рассуждает о том, что «творческий потенциал» живущих в городах людей может превратить их творческие лаборатории в эффективный механизм решения сложных социальных проблем. Насколько вы разделяете мнение Чарльза Лэндри?

Мой интерес к книге Чарльза Лэндри вызван желанием понять, что такое современный город и какую роль в городах может играть культура. До прочтения «Креативного города» я полагал, что исторически в процессе урбанизации никакой креативности не возникало. Политический срез города отражает лишь конструкцию государства. В выборах государственной власти и самоуправлений участвуют одни и те же партии (о Латвии). Порою в некоторых вопросах (налоги и проч.) только специалист может отличить, где заканчивается компетенция государственной власти и начинается компетенция власти городской. Самое большее, на что способен город, – это решать проблемы населения, проживающего на его территории. Чиновники креативными быть не могут, политическая (или какая-либо другая креативность) город никуда не ведет. В большей мере забота о культуре – это бизнес и идеология. Сообщества (которые только и способны воспроизводить культуру) в городе столь же одиноки по отношению к городской власти, как и к государству.

Юрий Крупнов:

– Мне все же кажется, главное в современном городе то, что его всеми силами пытаются противопоставлять государству. Не просто так для характеристики современного города применяются слова «креативный», «умный», «Smart city» и другие эпитеты. Их – эти эпитеты – изобретают не потому, что так хочется тем или иным отдельным идеологам. За этим просматривается определенная функция, а именно выдрать города из структуры национального государства. Город ныне рассматривается как некая молекула в ходе единого процесса глобализации. Исходя из этого, идея «креативности» города, по сути, восходит к раннесредневековым муниципиям в Европе. Муниципии в то время являлись субъектами большой истории, тогда именно они формировали надстройку, «ночного сторожа» – государство, которое создавалось как вторичное образование после «молекул-муниципий».

Сегодня мы должны четко отдавать себе отчет, что проходящие в больших городах процессы надо рассматривать в рамках единого процесса глобализации. Важно понимать, какие силы за ними стоят. Однако, сейчас уже очевидно, что в течение последних нескольких лет глобализация во всех отношениях терпит крах. Мы наблюдаем колоссальный геоэкономический кризис, проявляющийся не только как финансово-экономический, но и социально-политический. Кризис, в частности выражается в том, что вводятся дополнительные протекционистские меры, закрываются границы, образуются мощные союзы. Многое из происходящего можно рассматривать как проявление, по сути, антиглобализационных тенденций, которые, как мне представляется,

в известной мере обесмысливают саму попытку сделать города субъектами планетарных процессов.

Идея креативного города, так же как и идея креативного класса Ричарда Флорида, связана с предположением, что в этом некоем едином глобализационном месиве, называемом городской средой, как в едином потоке, из разного рода мелких изобретений, сделанных по случаю, могут в виде тенденций сформироваться фундаментальные последствия для общественно-политической жизни в целом, как на рациональном уровне, так и на глобальном. Это иллюзия, не учитывающая влияния уже имеющихся предпосылок к глобализации. Тем не менее, это – особый путь, своего рода продолжение роли городов как субъектов планетарных процессов.

Я – резкий противник креативного города и креативного класса.

Дело в том, что в этих идеях не просматривается пласт реальных преобразований, то есть того «материального» и «сопротивляющегося», что эти города уже сегодня или хотя бы в будущем предположении собираются действительно преобразовывать и трансформировать.

Не просматривается того, что относится к процессам в экономике, к движению финансовых потоков, к демографии, к миграции, к культурным рефлексиям и явлениям. Креативность никак не обозначает то, что она трансформирует. Это преобразования без какой-либо направленности.

Поэтому креативность повисает в воздухе, оставаясь чем-то похожим на то, что Лейбниц называл интермундиями, то есть пространством «в нигде», между мирами, говоря о том, что между культурными или иными мирами попадают некие темные зоны, где, по большому счету, никаких жестких критериев и признаков реальности и бытия не наличествует – там ничего не существует.

Креативный город и креативный класс являются специально сконструированными понятиями. Это – специально созданная, контртракультурная, даже подрывная идеология, во многом постмодернистского типа, функционально направленная на разрушение существующих национальных государств.

Нечто похожее существует, если брать несколько другую сферу, в современной геоэкономике, когда геоэкономика нередко сводится к геоэкономике городов, и особенно – мегаполиса и окружающих регионов. В результате отдельные регионы могут процветать, а другие соответственно впадать в дикость и варварство, и все это происходит внутри одной страны. При этом такое положение дел даже не рассматривается в качестве проблемы.

Что из сказанного следует? Что в положительном плане надо обсуждать не креативный город и не креативный класс, а прямо противоположные им по смыслу – город развития и класс развития – вот перспективная и альтернативная идеи. Каждый раз, когда мы говорим об идее развития, мы автоматически должны соотносить результаты действий с образами, к которым мы стремимся, соотносить продукты креативного процесса с их функциональностью по отношению к базисным принципам. Развитие всегда рассматривается и оценивается с точки зрения возрастания сложности жизни, структурного усложнения бытия и обязательного сохранения и наращивания культуры. В этом смысле, повторюсь, креативный город и креативный класс являются контркультурными явлениями, я не вижу в них ничего положительного, потому что это

не наращивание культуры, а просто подрыв культуры и государства изнутри – их деятельность в итоге ведет к разрушению.

Сергей Мазур:

– Юрий Васильевич, а есть ли у вас живые примеры городов развития? Могли бы вы сказать, с каких городов можно было бы брать пример?

Юрий Крупнов:

– Конечно. Хотя бы та же пресловутая Силиконовая долина. Ее феномен, на самом деле, очень плохо изучен и во многом является некритичным, идеологическим конструктом, но она во многом являлась и является примером города развития. Ранее безусловно выдающимися примерами были советские академгородки, и прежде всего Новосибирский Академгородок. Россия и СССР являются в этом отношении протечей современного явления, его прародителем.

Другой пример, для которого Новосибирский Академгородок уже послужил непосредственным первообразом и прототипом, – это японская программа «Технополис». В 1980 году, чтобы поднимать региональные окраины, в Японии был принят соответствующий закон, и в стране начали создаваться во многом срисованные с Новосибирского Академгородка так называемые городки развития – технополисы. Их строительство осуществлялось в рамках специальной национальной программы. При всей противоречивости результатов (как это всегда бывает) произошел очень серьезный экономический подъем провинций, и в ходе процесса было изобретено много интересных решений по региональному развитию.

С другой стороны, мы прекрасно можем наблюдать города развития на примерах переноса столиц. Вот, очень близкий нам на постсоветском пространстве пример – новая столица Казахстана город Астана. Понятно, что там для переноса столицы было очень много геополитических предпосылок, стояла задача перемещения центра страны на север, чтобы удержать Казахстан в целостности. В любом случае, в итоге красавица Астана, при всей ее несомненной противоречивости, выступает замечательным примером того, как страна благодаря переносу столицы в течение 15 лет смогла задать себе динамику развития, как в экономическом, так и в социально-политическом аспектах, а мимоходом и обновить элиту.

Все эти примеры показывают, что в результате целенаправленной работы происходят множественные, очень глубокие, объективно-достоверные преобразования, даже такие как преобразование элит государства и налаживание производства новых инновационных технологических продуктов. Я бы отметил, что смена и в значительной степени трансформация элит происходит по установкам новых ценностей и в результате выработки нового политического языка. Поэтому представляется, что городки развития – более интересный и важный для нас пример, чем креативные города, поскольку на постсоветском пространстве центральной задачей является вопрос о том, каким образом концентрацию интеллектуального ресурса в городах перевести в восстановление и подъем наших стран.

Безусловно, Рига по отношению к остальным городам Латвии – это город номер один. В подобных случаях главный вопрос всегда один и тот же: как в таких городах с

высокой концентрацией территориального ресурса обеспечить его сохранение, как предупредить выезд и эмиграцию талантливой молодежи, как направить ее энергию на развитие страны. Вот это, на мой взгляд, центральная проблема, которую нам всем – и в Российской Федерации, и в Латвии, и в Прибалтике – придется решать.

Сергей Мазур:

– Какие вопросы и проблемы поднимались в упомянутых вами городах развития в связи с местом культуры в них?

Юрий Крупнов:

– С моей точки зрения, ваш вопрос очень хорош тем, что он является до сих пор открытым. У нас нет, к сожалению, никаких ярких примеров, когда даже успешная трансформация в промышленно-технологическом слое, в политическом слое, слое элит, слое регионального развития и так далее дала в итоге очевидный культурный феномен. Я пока не вижу таких примеров, потому что ту же самую Силиконовую долину, о которой мы сейчас вспомнили, вряд ли стоит упоминать в качестве некоего места концентрации культур и выдвижения культуры на первый план исторического процесса.

Важно не то, что раз такого не было, то значит и не надо эту тему обсуждать. Как раз наоборот: надо обсуждать и промыслительно прорабатывать, что мы сейчас, собственно, и делаем. Я уверен в этом. Культурный ресурс – самый дешевый с точки зрения денежных затрат, но самый мощный с точки зрения последствий, однако мы пока еще не научились, не умеем его задействовать. Это как раз вопрос и культурной политики, и стратегии в сфере культуры, если хотите – культурного делания, культурмахерства и культуртрегерства. Того, что те же немцы почувствовали и научились делать на рубеже XVIII и XIX веков. Мы пока этим не можем овладеть. И мне кажется, что это тот предмет, который становится еще более привлекательным в ситуации экономического кризиса – с точки зрения экономичности, экономизации усилий.

Но здесь будут получены такие энергии, которые, будучи правильно организованными, дадут колоссальный эффект. Такое дело требует первооткрывателей, требует пионеров. Полагаю, научиться этому – на сегодня наша главная задача.